

3. Начальник тыла



В апреле месяце 1938 года, после рассмотрения моего дела в политбюро, вызвал меня Молотов и говорит, что Совнарком решил организовать Укрвоенстрой при Совнаркоме СССР для выполнения строительных работ в Киевском военном округе. - Согласны ли Вы занять должность Начальника этого Строительного Управления. Поскольку Укрвоенстрой будет подчинен непосредственно Совету Народных Комиссаров Союза, то все указания, все директивы Укрвоенстрою будут исходить от Совета Народных Комиссаров Союза. С Киевским военным округом Укрвоенстрой будет иметь договорные отношения.

Я это предложение охотно принял и числа двадцатого июня 1938 года уехал в Киев и приступил к организации военно-строительного управления при Совете Народных Комиссаров Союза на базе военно-строительного отдела Киевского военного округа.

Так как я очень хорошо знал строительное дело и уже привык к работе в больших масштабах, то я очень быстро организовал дело и запущенное в Киевском военном округе строительство к 1 января 1939 года вывел на первое место в РККА.

Через некоторое время все строительное дело отошло от Наркомата обороны, так как К.Е.Ворошилов попросил правительство забрать у него все строительные организации и подчинить их Совету Народных Комиссаров. Совет Народных Комиссаров тогда же организовал Главвоенстрой при Совете Народных Комиссаров. Были одновременно организованы Дальвоенстрой, Укрвоенстрой и ряд других строительных организаций.

Таким образом, была создана стройная система строительных организаций, но уже подчиненная не Наркому Обороны, а



подчиненная непосредственно Совету Народных Комиссаров, и начальником Главвоенстроя был назначен Сафразьян Л.Б.

В 1939 году мне пришлось наблюдать за движением наших войск на Западную Украину. Это было тяжелое зрелище. Шли колонны, причем без предварительно установленного порядка - какой вид транспорта, какая техника за какой может следовать по темпам движения, и на дорогах создавались затруднения из-за того, что машины перемежались с лошадьми, машины перемежались с тракторами, лошади перемежались с тракторами и т.п. Так как у всех этих средств свои скорости, да и вдобавок ко всему прочему, когда происходил такой случай, что в какой-нибудь грандиозной колонне, которая растягивалась чуть ли не на 30-40 километров, останавливаясь на дороге трактор, то создавались большие затруднения. И вот я наблюдаю: ночью стоит колонна, попытка объехать эту колонну встречая колоссальные трудности, буквально все спало и стояло ночью, где-то произошел затор, может быть, шофер заснул, - и паралич! И вы могли найти едущего в машине командира дивизии, который не выходил из машины, не принимал мер, чтобы выяснить в чем дело. Никакой службы регулирования не было. Никакой дорожной службы. Сами войска не обучались движению колоннами. И в результате получилось, что порогу вылезли, а идти по дороге не умеют, уже не говоря о том, что если бы встретилась какая-то перекрестная дорога, то какая-нибудь колонна стояла бы.

Дойдя таким путем до Львова, я в Львове встретил Белокосова, и Белокосов (он был помощником командующего Киевским



военным округом по материальному обеспечению) мне передал:

- Вас разыскивают, Москва Вас вызывает.

Я пошел к Тимошенко, командующему войсками. Он восторженно принял меня и говорит:

- Поздравляю тебя.

Я говорю:

- С чем поздравляешь?

- В Москву тебя вызывают. Узнаешь.

Я оттуда на машине доехал до Киева, в Киеве сел на самолет и улетел в Москву.

Когда я прилетел в Москву, то позвонил Хмельницкому Рудольфу Павловичу (комдив для особых поручений при Наркоме обороны). Я просил его положить товарищу Ворошилову, что в соответствии с его приказанием прибыл в Москву и нахожусь у себя на квартире. Хмельницкий пообещал мне положить и после доклада товарищу Ворошилову позвонить.

Хмельницкий позвонил мне примерно часа в четыре дня и просил позвонить Ворошилову. Я Ворошилову позвонил. Ворошилов спросил меня, где я нахожусь, и просил меня до шести часов вечера не отлучаться, так как я с ним должен поехать вместе в Кремль к Сталину.

В шесть часов никто мне не позвонил, в семь никто не позвонил, а потом я позвонил и мне из секретариата Ворошилова передали, что встреча со Сталиным сегодня не состоится.

Она не состоялась в этот день, она не состоялась и на другой день, а на третий день я попросил у Ворошило -



Хмельницкий Рафаил Павлович (1898 — 1964) — советский военный деятель, командир 34-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа, генерал-лейтенант. С 1935 года — адъютант наркома обороны СССР. В 1938 году присвоено звание комкор, с 1940 года — командир 34-го стрелкового корпуса СКВО, с 1942 года — начальник Управления снабжения Центрального штаба партизанского движения.



Белокосков Василий Евлампиевич (1898 — 1961) — советский военачальник. С 1942 года — заместитель начальника Главного управления тыла РККА А.В.Хрулёва, генерал-полковник (1944), в 1949—1958 годах — заместитель министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск.



ва разрешения поехать обратно в Киев и ждать вновь звонка, так как мне кажется, что обстановка как-то изменилась.

Ворошилов с моим предложением согласился и сказал:

- Поезжайте. Если надо будет, вызовем.

А предмета разговора я так и не знал.

Когда я обратился к Шадренко (который был заместителем Наркома обороны по кадрам), он заявил, что он тоже ничего не знает, что все это дело, весь этот вопрос ведет сам Ворошилов, и он не в курсе дела.

(ВОПРОС. Он правду сказал?)

Он неправду сказал. Он знал, в чем дело. И Мехлис знал. Но ~~оба были против.~~

Прошло около двух недель, как меня вновь вызвали в Москву. Я в Москву явился сразу же, не позвонил, а лично пошел в секретариат Ворошилова. Хмельницкий доложил, и я был принят Ворошиловым.

Ворошилов сказал:

- Имеется в виду возвратить Вас обратно в Москву и дать Вам большую работу.

Часов в восемь вечера мы вместе с Ворошиловым поехали к Сталину.

(ВОПРОС. Вы давно знали Ворошилова?)

Ворошилова я очень давно знал. Я знал Ворошилова еще с 1912 года - он был секретарем Больничных касс г. Петербурга. Но у нас тогда еще не было дружбы. А в 1917 году Ворошилов был комендантом революционной охраны гор. Петрограда, а я был комендантом революционной охраны Порховского района.

Ворошилов в январе 1918 года сформировал красногвардейские отряд из путиловских рабочих и уехал в Донбасс. После Ворошилова комендантом был Шагов, и я пришел туда одним из помощников коменданта революционной охраны.

А в 1919 году мы с Ворошиловым были как старые знакомые, знакомство было чисто деловое, самое боевое.

Я в конце 1924 года поехал на ВПАК.

Я вернусь к тому, что мы поехали к Сталину в Кремль с Ворошиловым.

У Сталина в Кремле был кабинет (года с 1935-го).

Приехали мы к Сталину, и Сталин сразу же мне заявил, что имеется намерение создать управление снабжения Красной Армии во главе с главным начальником снабжения.

Я поставил перед Сталиным ряд вопросов относительно



существа деятельности начальника снабжения Красной Армии. В прошлом я очень хорошо знал, что из себя представлял начальник снабжения. Начальник снабжения был единственный человек, который выполнял функции продовольственного и вещевого снабжения и снабжения средствами связи, и снабжения средствами артиллерии, и снабжения инженерными средствами, и снабжения авиационным имуществом; и строительство было у начальника снабжения. Это был большой орган по материальному обеспечению армии всеми видами снабжения. Но так как технические функции выросли в громадную величину, то оказалось, что начальник снабжения не может с техническими функциями справиться, и тогда разделили на много частей, создали начальника вооружений, которому подчинили артиллерийскую связь, инженерную, бронетанковую, химическую, а должность начальника снабжения упразднили и создали военно-хозяйственное управление. Строительное управление выделили как самостоятельное.

Сталин заявил:

- Мне кажется, что слово или наименование "начальник снабжения" не отвечает современности.

Я стал Сталина просить - нельзя ли обойтись без меня. На вопрос, почему я не хочу принять это предложение, я заявил:

- Так как Мехлис поставил себе целью во что бы то ни стало уничтожить меня, то он вновь этим воспользуется и начнет травлю.

Сталин, улыбнувшись, заявил:

- Ну, вот, сильнее кошки зверя нет!

Я говорю:

- Для кого какой зверь, а для меня Мехлис - страшный зверь.



Он был тогда начальником ПУРа.

Сталин стал спрашивать:

- Почему у Вас такое убеждение, что Мехлис обязательно будет с Вами расправляться?

Я говорю:

- После того, как в прошлом году Вы рассматривали на политбюро вопрос обо мне и когда Мехлис метал громы и молнии, доказывая, что я замешан в военно-фашистском заговоре и что случайно както- сохранился один единственный из начальников управлений Наркомата обороны, и когда Вы предложили мне рассказывать все о своей деятельности, и, так как мне нечего было рассказывать, Вы убедились, что я - честный человек, и предложили Мехлису и Ежову отстать от меня, и когда после этого я перед отъездом пришел к Мехлису, то Мехлис мне заявил: "Скажите спасибо Ворошилову, Ворошилов Вас тяжестью своей придал и не дал мне поступить с Вами так, как следовало бы поступить, но я заявляю Вам, что я постараюсь сделать все возможное для того, чтобы мое стремление (мехлисовское) оправдалось".

Тогда Сталин мне на все мои возражения заявил:

- Ну, хорошо, а если я вместе с Вами поведу борьбу против Мехлиса, то как Вы думаете - мы справимся?

Я откровенно Сталину заявил:

- Как будто бы по логике вещей должны бы справиться, но Вы имейте в виду, что Мехлис такой человек, что он может черти что наделать.

Он говорит:

-Он нас с Вами вместе может разгромить?

Я говорю:



- Вас-то не разгромит, а меня разгромит.

Все-таки решение состоялось, меня назначили начальником снабжения РККА, причем с очень ограниченными функциями.

(Это стремление Сталина и Ворошилова было основано на от мобилизации частей для похода в Западную Белоруссию и Западную Украину).

(ВОПРОС. Вы Сталина хорошо знали?)

Сталина я знал очень хорошо. Я раньше его знал, чем произошли все эти события. Причем мы встречались много раз на различного рода приемах. Когда я был управляющий делами, он принимал участие в одном из расширенных заседаний Реввоенсовета республики, на котором подводились итоги боевой подготовки за год; праздновали десятилетие конной армии у Буденного на квартире, был еще какой-то праздник в Кремле. И по гражданской войне я его знал.

Есть люди, которые шли на прием с трепетом и волнением. Я шел на прием без трепета и без волнения. Я был со Сталиным откровенен. Я Сталина не боялся, не видел в нем зверя или неприступного человека, или человека, не желающего вести разговор на свободную тему.

Когда меня назначили Наркомом путей сообщения, он пригласил меня к себе на дачу, там было почти все политбюро. Там, уложив пять-десять минут, я обратился к Сталину с вопросом:

- Я не совсем понимаю отношение ко мне - в 1938 году требовали моего ареста, а теперь меня назначили Наркомом путей сообщения. Какой же контраст!

Он сказал мне так:

- Мехлис, как только пришел в ЦУР в конце 1937 года, он



начал кричать о том, что Вы - враг, что Вы - участник военно-фашистского заговора. Щаденко вначале выступал в защиту Вас. Кулик, тот последовательно заявлял: "Не верю. Я этого человека знаю много лет и не верю, чтобы он был замешан в каком-то антисоветском, контрреволюционном деле". Но Вы, - говорит, - понимаете мое положение: Мехлис кричит "враг", Щаденко потом подключился к Мехлису, а Вы помните, - говорит, как обстояло дело при решении этого вопроса в политбюро. Когда я задал Ворошилову вопрос, что же нам делать, Ворошилов сказал: я тебе говорил несколько раз о нем, а теперь вот какое время - сегодня он стоит на коленях и плачет, и клянется, что он ни в каких заговорах не участвовал, никакой антисоветской и антипартийной работы не вел, а завтра он подписывает протокол и во всем сознается.

(ВОПРОС. Это не в отношении Вас?)

Да, это вообще о стиле.

Но я не помню, чтобы Ворошилов так себя вел. Ворошилов последовательно защищал меня.

Я передал весь этот разговор Ворошилову. Ворошилов возмутился.

- Это неверно. Если бы я тогда колебнулся, Вас бы не было.

Я знал, что если бы перед назначением на такой большой пост, как Нарком путей сообщения, не поставили все эти вопросы, тогда тот же самый Мехлис сказал бы: кого вы посадили? Он - предатель, враг, он воспользовался тем, что его поставили на такой высокий пост, и поставил страну в тяжелое положение.



Какое у меня было положение? Дают большой пост, оставляют начальником тыла и говорят: Вы и то, и другое будете вести. И в то же время состояние хозяйства ужасное, а снабзок ко всему прочему авторитета у меня ни в партии, ни в стране никакого, никто меня не знает.

Я это тоже Сталину рассказывал. И он сказал:

-Ну, хорошо. Центральный Комитет сделает все необходимое, чтобы Вы пользовались соответствующим авторитетом.

Я Сталину рассказывал все откровенно и старался во что бы то ни стало, чтобы он уяснил и мое положение, и все мои опасения.

Когда я говорю о Мехлисе и когда я считаю, что Мехлис вел большую работу и против Ворошилова, то у меня тоже есть основания.

После окончания финской войны был созван Пленум Центрального Комитета партии по итогам войны и о состоянии наших вооруженных сил. На этом Пленуме Ворошилов выступил с докладом о состоянии армии и в этом докладе нарисовал очень мрачную картину состояния армии и сделал вывод, что во всем этом деле его вина, Ворошилова, что он просит Центральный Комитет партии освободить его от должности Наркома, так как он сидит уже почти пятнадцать лет на этой работе, и что у всякого может притупиться, недостатки могут казаться обычным явлением.

После выступления Ворошилова Мехлис берет слово и начинает поносить Ворошилова: нет, товарищи, Ворошилов так не должен уйти от этого дела, его надо строжайше наказать.



Одним словом, хоть бы арестовать.

После этой истерики Сталин выходит из-за стола президиума, всходит на трибуну, отталкивает Мехлиса и говорит:

- Товарищи! Вот тут Мехлис произнес истерическую речь. Я в первый раз в жизни встречаю такого Наркома, чтобы с такой откровенностью и остротой раскритиковал свою деятельность. Но, с другой стороны, если Мехлис считает для него это неудовлетворительным, то если я вам начну рассказывать о Мехлисе, что Мехлис из себя представляет, то от него мокрого места не останется.

И ушел.

После Ворошилова назначили Тимошенко. Тимошенко проработал два или три месяца, образуют Наркомат государственного контроля и Мехлиса назначают Наркомом государственного контроля. Мехлис отказывается от такой должности (все-таки нарком! и просит его оставить в армии, а для того, чтобы свою просьбу подкрепить, он подговаривает Тимошенко, чтобы Тимошенко написал Сталину записку, что он просит оставить Мехлиса в армии, так как он- Тимошенко новый человек в Наркомате и не все порядки, особенно в центральном аппарате, ему знакомы, поэтому просит Мехлиса сохранить в армии как человека, достаточно хорошо знакомого со всеми порядками в центральном аппарате.

Я был свидетелем, когда Сталин получил записку Тимошенко. По существу этой записки Сталин заявил:

- Вот наивный человек! Ему хотят помочь, он не понимает этого; он хочет, чтобы мы ему Мехлиса оставили. А не пройдет и три месяца Мехлис будет пытаться столкнуть его. Мехлис сам хочет быть военным наркомом.



Он хотел и Ворошилова столкнуть.

У Сталина созрело это подозрение, зародилось, видимо, и раньше, и зародилось, видимо, исходя из каких-то определенных моментов поведения Мехлиса.

А с другой стороны, какие основания у Мехлиса были отказываться от должности Наркома государственного контроля? Должность почетная и большая государственная работа. Какие основания у Мехлиса были стремиться остаться в армии на должности начальника ПУРа? Мехлиса подозревать в скромности нельзя было. Он никогда таким не был. Этим "недостатком" он никогда не страдал.

*Вас назначили на*  
(ВОПРОС. Это была должность начальника снабжения или главного интенданта?)

Сначала это была должность начальника снабжения. Я проработал примерно полгода в этой должности. Хотели надо сказать, что никаких установок никто не давал, чем должен заниматься начальник снабжения, каковы его права и обязанности и какова периферийная структура органов снабжения.

(ВОПРОС. Кому Вы подчинялись?)

Наркому.

(ВОПРОС. А финансовое управление?)

А финансовое управление оставалось отдельно.

(ВОПРОС. А в связи с чем родилась идея должности главного интенданта?).

Идея эта родилась на той же самой давнейшей основе: главный интендант в царской армии ведал продовольственным снабжением, вещевым снабжением, квартирным делом, финансо-



вым делом, распоряжался деньгами, снабжал горючим армию. Все эти функции и остались. Я предложил объединить все это в органе главного интенданта. Я внес это предложение. Я доказал, что у меня никаких функций снабжения РККА нет, потому что функции снабжения находятся во многих управлениях. Поэтому согласился, что надо назвать главным интендантом.

Помощник командующего войсками по материальному обеспечению, собственно, ведал тоже интендантскими вопросами, ему было подчинено снабжение вешевое, продовольственное, строительное и квартирное дело. Но так как строительное дело было выделено в управление, подчиненное Совету Народных Комиссаров, то оставались чисто интендантские вещи.

Я сразу создал интендантов округов. Вместо помкомандующего был создан интендант округа.

(ВОПРОС. Что изменилось от переименования Вашей должности?)

Ничего не изменилось, я остался тот же, я остался с теми же людьми. Дали наименование по существу деятельности.

(ВОПРОС. Права остались те же самые?)

Прав никаких не было. Одни люди боятся брать права, а другие берут их с ходу.

Как мы начали организовывать органы тыла? Мы начали организовывать отупью (в 1941 году). Вы посмотрите все документы 1941 года и до весны 1943 года и потом возьмите документы 1943 года, где изложено положение о начальнике тыла. Я все забирал, забирал и забирал и набирал очень много власти и одновременно набирал много обязанностей.



(ВОПРОС. Но почему такое отношение было у Жукова, который отлично знал, что наше хозяйство плановое, что речь идет не о том, что тут кто-то будет наживаться? Чем Вы объясняете?)

Между органами снабжения и Генеральным штабом все время шла борьба за руководство деятельностью по снабжению армии. Органы снабжения считали, что Генеральный штаб с функциями снабжения справиться не может, потому что для того, чтобы снабжать, надо доставить это на фронт. Сталин говорил, что мало сделать, надо доставить во-время. В связи с этим были в свое время различного рода предложения. Например, сам маршал Егоров предложил однажды Ворошилову, чтобы дело снабжения изъять из Генерального штаба, за Генеральным штабом оставить только директивные функции по управлению войсками и по накоплению запасов, чтобы Генеральный штаб говорил, что боеприпасов нам надо столько-то и т.д. и чтобы Генеральный штаб осуществлял контроль за органами снабжения, но чтобы себе функции снабжения не присваивал.

Надо сказать, что Егоров добросовестно эту линию проводил. Если бы он не проводил эту линию, то Генеральный штаб утратил бы свое лицо как орган оперативного управления войсками, он превратился бы в орган снабжения и снабженческие вопросы задавали бы начальника Генерального штаба. А Жуков этого не понимал. Поэтому их система снабжения была построена таким образом: весь учет потребностей и все прочее - Генеральный штаб, пятое управление; в округах пятые отделы этим делом занимаются; в корпусах, в дивизиях - тоже такие ячейки. А



кто же органами снабжения? А дороги у кого? Они говорят: так как у нас есть управление военных сообщений, то оно будет вести автомобильным транспортом, воздушным транспортом и морским транспортом, и соответственно будут везде расставлены комендатуры, и все это будет подчинено управлению военных сообщений, а управление военных сообщений, как орган для оперативных перебросок войск, подчинено оперативному управлению. А переброска боеприпасов? Кто этим ведает? Пятое управление. Что показала финская война? Запутались окончательно.

Так как очень часто при рассмотрении вопросов сосредоточения армии не рассматривают в комплексе, с чем прибыли, то всегда господствует точка зрения оперативников, и только когда становятся остро вопросы, почему же эти дивизии не могут кормиться и воевать, тогда начинают дубасить снабженцев.

Во время финской войны полковник Иванов ходил и всюду докляцывал: нельзя вести войска, когда войска кормить нечем, когда им стрелять нечем.

После Потсдамского совещания союзных государств решили объявить войну Японии, а для этого надо было сосредоточить большое количество дивизий на Дальнем Востоке, и вот Генеральный штаб спланировал перевозки, что в течение около двух месяцев надо перебросить на Дальний Восток около 30 дивизий. Я посмотрел и говорю: а как снабжение пойдет? Для снабжения места не остается. Тогда я беру все эти бумаги и иду к Сталину и говорю: таким путем мы не можем осуществлять эти перевозки, нет места для снабжения. Оперативники говорят так: у вас дальневосточная дорога двухпутная, пятьдесят пар поездов она поездов она пропустить не может.

Сталин сначала обиделся.



Я говорю:

-Товарищ Сталин, Вы знаете как провалилась русско-японская война? Не потому, что там солдаты были плохие, снабжение решило все вопросы.

Я говорю:

- Правительство, которое вынуждено было дать отчет народу, создало дело Московского интендантства, а на само деле провалилась политика царского правительства. Зачем же нам становиться на этот путь?

Он назначил комиссию - Маленкова, Берия и Микояна. Я торговался с этой комиссией - что можем провести, чего не можем провезти. И все прошло гладко.

Я хочу сказать о том, было ли уставное положение об организации службы тыла? Было, но оно сводилось к тому, что все материальное обеспечение армии, точно также и дорожное обеспечение, обеспечение перевозками, обеспечение санитарное, все шло по линии пяти отделов штабов. Управления работали сами по себе. Никакое пятое управление не могло сосредоточить функции руководства обеспечением ветевым, продовольственным, санитарным, дорожным, автомобильным; затем еще эвакуация раненых, эвакуация трофейного имущества. Считалось, что все будут делать комендатуры. Но все эти взгляды Генерального штаба оказались слишком примитивными, слишком малыми по масштабам, и это оказалось непригодным. Штабы с этим справиться не могли. Поэтому так быстро возник вопрос о стройной организации тыла.

Кстати сказать, люди тоже имеют значение. Одно дело, когда начальником пятого управления сидел генерал-майор Ермолин, другое дело, когда сажают генерал-полковника или генерала армии, да и человека известного для армии, -





Берия Лаврентий Павлович (1899 — 1953) — советский государственный и партийный деятель, генеральный комиссар госбезопасности (1941), входил в ближайшее окружение И. В. Сталина. Член ЦК ВКП(б) (1934—1953), член Политбюро ЦК ВКП(б) (1946—1952), член Президиума ЦК КПСС (1952—1953). С 1941 года заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров, член Государственного комитета обороны СССР (1941—1944), заместитель председателя ГКО СССР (1944—1945). После смерти Сталина 5 марта 1953 г. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и одновременно министр внутренних дел СССР. Курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности, в том числе все разработки по созданию ядерного оружия и ракетной техники. Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943). Организатор и активный участник массовых репрессий в отношении партийных и государственных деятелей, в том числе, в Армении и Грузии в 1937-38 гг, однако его приход к руководству НКВД в 1938 году был связан с завершением "большого террора" и освобождением из лагерей большого числа репрессированных. Тем не менее, являлся главным организатором "депортации народов", в том числе, чеченцев и ингушей в 1944 году, а также других преступлений сталинского режима. В июле 1953 года был арестован по обвинению в измене Родине и заговоре, после чего 23 декабря 1953 года расстрелян (по другим данным - был убит при аресте).





Микоян Анастас Иванович (1895 — 1978) — советский государственный и партийный деятель, член ЦК ВКП(б) с 1923 года, член Политбюро ЦК КПСС в 1935—1966 гг. С 1937 года заместитель, в 1955—1964 гг. первый заместитель главы Правительства СССР. В 1926—1955 годах (за исключением 1949—1953 годов) последовательно занимал ряд министерских (наркомовских до 1946 года) должностей, преимущественно в сфере торговли, в особенности внешней. Один из наиболее влиятельных советских политиков. В 1964—1965 годах Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда (1943), кавалер шести орденов Ленина. Один из наиболее активных организаторов и участников массовых репрессий в 1937-38 гг., после 1953 года возглавил комиссию по реабилитации, но одновременно был одним из руководителей подавления восстаний в Польше и Венгрии в 1956 году и расстрела рабочих в Новочеркасске в 1962 году.



Маленков Георгий Максимилианович (1901 — 1988) — советский государственный и партийный деятель, соратник И. В. Сталина. Член ЦК КПСС (1939—1957), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1939—1952), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1941—1946), член Политбюро (Президиума) ЦК (1946—1957), секретарь ЦК КПСС (1939—1946, 1948—1953), депутат Верховного Совета СССР (1938—1958), председатель Совета Министров СССР (1953—1955). Курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности, в том числе, разработки новой авиационной техники, создание водородной бомбы и первой АЭС. Организатор и активный участник массовых репрессий в отношении партийных и государственных деятелей, в том числе, в Белоруссии и Армении в 1937-38 гг, "Ленинградского дела" и дела "Еврейского антифашистского комитета" в конце 40-х годов. Участник так называемой "антипартийной группы" по смещению Хрущева Н.С. в 1957 году, после чего был уволен и отправлен вначале в Казахстан руководить электростанциями, а затем на пенсию.



Однажды я прихожу к Сталину и говорю, что надо выпустить постановление ГКО, устанавливающее порядок санитарной обработки бойцов, едущих на фронт, в Москве.

- Для чего? - спрашивает Сталин.

- Так как у нас в Поволжье сыпной тиф, чтобы гарантировать от завоза на фронт эпидемии, необходимо это делать.

- Чтобы вы с фронта растащили заразу?

- Нет, товарищ Сталин.

- Вы ничего не знаете. Давайте Смирнова.

Вызвали Смирнова. Смирнов начинает рассказывать ему, что положение у нас действительно таково, что для того, чтобы обезопасить фронт от проникновения эпидемии, надо проделать эту операцию.

- И Вы ничего не знаете. Давайте Митерева.

Приходит Митерев. (А вы в это время можете выйти, можете потребовать себе чай).

Когда Митерев пришел и договорились, что это надо сделать, что необходимо обезопасить армию от проникновения эпидемии на фронт, он утвердил это мероприятие.

Бывали и другие казусы. Авиация просит дать на подготовку кадров 2.200<sup>2</sup> тысяч тонн высокооктанового бензина, а мы можем выделить максимум 700<sup>2</sup> тысяч тонн. Генерал-полковник Никитин докладывает, что Хрулев дает очень мало бензина, мы не можем выполнить программу подготовки летчиков, которая утверждена ГКО. Сталин вызывает меня. Я ему докладываю, что у нас ресурсы бензина не позволяют дать больше 700 тысяч тонн, а кроме того, план распределения бензина мы уже утвердили, там записано 700 тысяч тонн, и теперь надо только пересматривать план.

Он ни звука не говорит, вызывает Поскребышева:





Смирнов Ефим Иванович (1904 — 1989) — советский военный и государственный деятель, доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР, генерал-полковник медицинской службы, Герой Социалистического Труда (1978). С 1938 г. начальник санитарной службы Ленинградского военного округа, в 1939 г. назначен начальником Военно-санитарного управления РККА, в 1941-1945 гг. - начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии. В 1946-1947 гг. - начальник Главного военно-медицинского управления Вооружённых Сил СССР, далее в 1947-1952 гг. - министр здравоохранения СССР, но был снят с поста в связи с «делом врачей». С 1953 г. - нач. Военно-медицинской академии, нач. управления Генерального штаба ВС СССР, с 1955 г. - нач. Главного военно-медицинского управления Министерства обороны СССР, с 1960 г. - начальник 15-го управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР.



Митерев Георгий Андреевич (1900—1977) — советский врач, Народный комиссар здравоохранения СССР (1939—1946 гг.), Министр здравоохранения СССР (1946—1947 гг.), доктор медицинских наук, профессор. Во время Великой Отечественной войны возглавил огромную работу по оказанию медицинской помощи населению и раненым бойцам РККА, борьбу с эпидемиями.



- Ну-ка, Микояна сюда.

Приходит Микоян. Он к нему обращается и говорит:

- Летчики просят 2.200 тысяч тонн высокооктанового бензина. Тов. Хрулев дает только 700 тысяч тонн. Можно удовлетворить просьбу летчиков?

- Можно.

Я тут же Микояну говорю:

- За счет чего?

- У меня там есть.

- Нет, Анастас Иванович, ничего больше нет. Я записал в этот план полностью все, что у нас запланировано получить из Америки, но процентов пятнадцать-двадцать танкеров гибнет, немцы их уничтожают. Я подсчитал все это с большим риском.

Сталин вмешивается и говорит:

- Что вы спорите? Микоян этим делом ведает и знает.

Я говорю:

- Нет, товарищ Сталин, он ничем не ведает и ничего не знает, и я сейчас ему объясню, что он не сможет этого сделать.

Сталин говорит:

- Что есть реального?

Я говорю:

- В этом плане есть 500 тысяч тонн резервов ставки. Распределяйте этот резерв ставки.

- Что же я без резерва останусь? Не голится.

Уходим. После этого разговора Микоян вызывает Кормилицина - начальника управления снабжения горючим:

- Прибавьте 500 тысяч тонн.

Тот говорит:

- Я ничего не могу прибавить.



Он говорит:

- Позвоните Хрулеву, пусть Хрулев это сделает.

- Ничего не надо звонить Хрулеву.

Кормилицин возвращается, приходит ко мне и рассказывает.

Я говорю:

- Делай, если он тебе приказал.

Я не видел, чтобы Сталину кто-нибудь возражал, что этого сделать нельзя, а когда я возражал, он говорил:

- Что это за человек, ему хоть кол на голове теши, он все свое.

~~(Это было мне сказано в отношении пропуска поездов на Дальний Восток).~~

~~(ВОПРОС. Сформулируем так, что в Ставке, так же как в ГКО, бюрократизма никакого не было, не было даже никакой документации?)~~

~~ГКО это был исключительно оперативный орган. Руководство ГКО и В. Сталин концентрировалось в руках Сталина. Он каждый день собирал и обсуждался каждый день оперативные вопросы. Но вопросы были заранее подготовлены соответствующими членами ГКО. Сталин подписывал документы, часто не читая их. Но это до тех пор, пока~~ *Председатель Рубежское (член ГКО)*

~~(ВОПРОС. Когда началась война, его вызвали?)~~

Когда началась война, я был дома, и в этот день нас никто не вызвал. До 21 июня никаких указаний я не получал, и 21-го я тоже ничего не получил. Только узнал по радио. После того, как узнал по радио, я в течение двух суток никуда не приглашался и сам никуда не ходил.

Кто предложил мою кандидатуру в качестве заместителя Наркома?

Меня назначили зам. Наркома в конце июня или в первых числах июля.